

УДК 343.985.7:343.7

**НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ ДЕЙСТВУЮЩИХ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА (ДРОППЕРСТВО)
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ****Игорь Николаевич Волосевич**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, 89151333377in@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические аспекты дропперства — новой формы преступной деятельности, получившей широкое распространение в условиях цифровизации экономики и криминализованной Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ. Подчеркивается, что дропперство вышло за пределы кибермошенничества и активно используется в схемах отмывания преступных доходов, распространения наркотиков, финансирования терроризма и экстремизма. Поскольку дропперство стало неотъемлемым элементом преступной экономики, автор обосновывает необходимость научного исследования и разработки самостоятельной криминалистической методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа (дропперства), учитывающей его устойчивую структуру, цифровую специфику, удаленный характер координации и сложности в правовой квалификации. Указывается на пробелы в законодательстве, в частности отсутствие охвата криптовалютных операций, а также на недостаточную подготовку следственных и оперативных органов к противодействию данному явлению. Статья представляет собой теоретическую основу для формирования нового направления в криминалистике в сфере цифровой преступности.

Ключевые слова: неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство), электронные средства платежа, кибермошенничество, криптовалюта, цифровая экономика, криминалистика, методика раскрытия и расследования

Для цитирования: Волосевич И. Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 147—156.

**ILLEGAL TRAFFICKING
OF ACTING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT (DROPPING)
AS A SUBJECT OF CRIMINALISTICS ANALYSIS:
IDENTIFICATION OF A PROBLEM****Igor Nikolayevich Volosevich**

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, 89151333377in@gmail.ru

Abstract. This article deals with the criminalistics aspects of dropping, that is a new form of criminal activity having become widespread in the context of the digitalization of the economy and criminalized by Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025. It is emphasized that dropping has been beyond cyber fraud and is actively used in schemes of criminal incomes laundering, drug trafficking, and terrorism and extremism financing. Since dropping has become an integral element of the criminal economy, the author substantiates the need for research and development of an independent criminalistics methodology to solve and investigate illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping), taking into account its stable structure, digital specifics, remote nature of coordination and difficulties in legal qualification. The author points out gaps in the legislation, in particular, absence of crypto-currency transactions coverage, as well as the insufficient training of investigative and detective bodies to counteract this phenomenon. The article provides a theoretical basis to form / develop a new direction in criminalistics in the sphere of digital crime.

Keywords: illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping), electronic means of payment, cyber fraud, cryptocurrency, digital economy, criminalistics, methods to solve and investigate

For citation: Volosevich I. N. Illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping) as a subject of criminalistics analysis: identification of a problem. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—156, 2025. (In Russ.).

24 июня 2025 г. по инициативе Президента Российской Федерации¹ принят Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ², внесший существенные изменения в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), дополнив ее четырьмя новыми частями (3—6), направленными на криминализацию неправомерного использования электронных средств платежей. Это потребовало как теоретической, так и практической переоценки объекта охраны, особенностей преступных деяний и задач следственной и оперативно-разыскной деятельности. Системное толкование обновленной ст. 187 УК РФ показывает, что в ее пределах фактически сосуществуют две самостоятельные группы составов преступлений, различающиеся по ряду ключевых характеристик: части 1, 2 отражают классическую модель преступного оборота поддельных средств платежей, тогда как чч. 3—6 сконцентрированы на неправомерном обороте действующих платежных инструментов в цифровой среде.

Части 3—6 ст. 187 УК РФ, введенные Законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, обозначили новый вектор уголовно-правового регулирования, сосредоточенного на неправомерных действиях с легальными средствами платежей, совершенных либо их официальными держателями, либо третьими лицами, не имеющими права пользования. Это нововведение обусловлено необходимостью реагирования на устойчивую преступную практику передачи банковских карт, криптокошельков, логинов, паролей и иных реквизитов третьим лицам

¹ В ходе Итогов года 19 декабря 2024 г. Владимир Путин предложил ввести уголовную ответственность для дропперов. «Есть предложение усилить не только контроль, но и ответственность этих людей, которые, на самом-то деле, являются соучастниками этих преступлений. Формально они вроде бы ничего не делают, но они понимают, для чего открываются карты на их имя. Есть предложение и уголовную ответственность за такую деятельность определить», — сказал Президент РФ // Полная стенограмма Итогов года с Владимиром Путиным, 19 декабря 2024 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27675/5027011/> (дата обращения: 14.07.2025).

² О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 14.07.2025).

для осуществления финансовых операций с преступными целями. Отметим, что именно эта группа норм впервые в российском уголовном законодательстве нормативно закрепила ответственность за поведение, свойственное фигурантам, известным в киберпреступной среде как «дропперы».

Ключевое отличие этой группы составов заключается в отсутствии признаков подделки и наличии неправомерного доступа к реальным платежным инструментам, как правило через схемы обналаживания, отмывания доходов, финансирования преступной деятельности. Объектом преступления выступает установленный законодательством правовой режим использования платежных средств, а также стабильность цифрового финансового оборота. Введенные нормы направлены на подавление инфраструктуры преступных схем, в которых действия «дропперов» являются техническим, но критически важным звеном, обеспечивающим вывод денежных средств в наличную или криптовалютную форму.

Таким образом, на уровне объективной стороны наблюдается значимое различие: в частях 1, 2 уголовно наказуемыми являются действия, направленные на создание и оборот поддельных платежных инструментов, тогда как в чч. 3—6 — неправомерное использование законных средств в нарушение установленного порядка. При этом если первые требуют доказательства подделки и / или технической подготовки, то вторые предполагают анализ поведенческой модели фигуранта, его связи с организаторами схем, цифровых следов и степени вовлеченности в преступную деятельность.

С криминалистической точки зрения это разграничение предполагает и различный подход к методике расследования. Если по чч. 1, 2 сохраняются элементы традиционной криминалистической практики, то по чч. 3—6 необходима разработка новой специализированной методики, ориентированной на анализ цифровых следов, мониторинг финансовых транзакций, моделирование преступных цепочек, а также психологическую типологию дропперов. Учитывая удаленный характер координации и транснациональность преступных схем, значительное внимание должно уделяться также анализу данных, полученных от операторов связи, финансовых организаций, криптовалютных бирж и DeFi-платформ [1].

Обновленная редакция ст. 187 УК РФ фактически объединила под одним номером две различные категории преступлений, различающиеся по предмету, способу, субъекту, форме вины и правоприменительному подходу. Правильное их разграничение является не только задачей теоретико-правового анализа, но и необходимым условием формирования эффективной криминалистической и следственной методики, способной отвечать вызовам цифровой преступности XXI в.

Поправки направлены на криминализацию новых форм неправомерного использования электронных средств платежа, в частности дропперства, распространившегося в сфере киберпреступности, наркопреступности, мошенничества, терроризма и экстремизма.

Современные реалии цифровой экономики привели к активному использованию электронных средств платежа как в легальном, так и в преступном обороте. Одной из типичных схем, используемых преступниками, стало дропперство — передача банковских карт или данных доступа третьим лицам, часто за вознаграждение, в целях обналичивания и перевода незаконно полученных денежных средств.

Слово «дроппер» (англ. dropper) происходит от английского глагола to drop — «бросать», «оставлять», «сбрасывать». В дословном переводе dropper означает «тот, кто сбрасывает» или «оставляющий». Первоначально термин dropper использовался в области информационной безопасности и обозначал вредоносную программу, основная задача которой — доставить (drop) на устройство жертвы другое вредоносное программное обеспечение (например, трояна или шпионскую программу). Такой dropper сам по себе может не наносить ущерб, но служит «транспортом» для основного вредоносного кода. Позднее термин был заимствован криминальной средой, особенно в кибермошенничестве и банковских преступлениях. В этом контексте дроппером называют человека, который получает, хранит или обналичивает незаконно полученные денежные средства.

Сегодня «дроппер» — это лицо, которое передает или сдает свой банковский счет, карту, телефонный номер, криптокошелек и т. п. третьим лицам.

В то же время уголовное законодательство Российской Федерации не содержит понятия «дропперство», а использует точную юридическую формулировку — «неправомерный оборот средств платежей», в том числе в редакции, дополненной Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ.

Именно эта формулировка должна быть положена в основу как научных, так и методических подходов. Употребление неофициальных терминов допустимо исключительно в пояснительных целях по ходу изложения, но не как базовая категория научного анализа. Более того, подобный подход аналогичен ситуации, при которой мы не называем методику расследования грабежей «методикой расследования гоп-стопа» или не обозначаем экономические преступления как «беловоротничковую преступность» в юридических документах. В научной и практической юридической деятельности недопустимо подменять правовые термины модными или публицистическими клише — это нарушает принцип терминологической точности и снижает юридическую обоснованность предлагаемой методики.

Учитывая изложенное, можно сделать обоснованный вывод, что разрабатываемая криминалистическая методика должна носить название, строго соответствующее формулировке, закрепленной в уголовном законодательстве. Поскольку Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ дополнил ст. 187 УК РФ чч. 3—6, вводящими уголовную ответственность за различные формы неправомерного использования действующих электронных средств платежа, именно эта конструкция представляет собой нормативную и содержательную основу соответствующего вида преступной деятельности.

Таким образом, корректным, юридически обоснованным и научно точным наименованием предлагаемой криминалистической разработки будет «Методика расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа».

Такое название отражает существо преступного деяния, установленного в чч. 3—6 ст. 187 УК РФ; исключает жаргонные и неформальные обозначения (например, «дропперство»), не имеющие нормативного закрепления; обеспечивает понятийную преемственность между уголовно-правовой характеристикой преступления и криминалистической методикой его расследования; способствует унификации научного и практического подхода к классификации преступлений в сфере цифровой финансовой деятельности.

Именно под таким наименованием данная методика должна разрабатываться, внедряться в следственную практику и включаться в программы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Однако в рамках данной статьи, чтобы терминологически не перегружать текст, мы вместо словосочетания «непра-

вомерный оборот действующих электронных средств платежа» будем использовать термин «дропперство».

Следующий ключевой вопрос, который необходимо решить после криминализации дропперства, — это формирование криминалистической методики раскрытия и расследования дропперства, что обусловлено, на наш взгляд, рядом следующих факторов.

Во-первых, дропперство — сравнительно новый вид преступной деятельности, активно применяемый в схемах по обналачиванию и легализации преступных доходов, особенно в киберпреступной среде. Указанный процесс отличается ярко выраженной технологичностью, распределенным характером управления и высокой степенью конспирации. Лица, выполняющие функции дропперов, часто не профессиональные преступники и могут быть легко подменяемыми, что существенно осложняет выявление и доказывание состава преступления.

Во-вторых, в настоящее время дропперство не имеет устоявшейся криминалистической характеристики. Оно представляет собой особую форму соучастия в преступной деятельности, при этом методы вербовки, использования и маскировки дропперов существенно отличаются от классических форм соучастия. В связи с этим возникает необходимость системного описания типичных способов совершения дропперства, механизма образования следов, особенностей цифровых доказательств, а также поведенческих моделей подозреваемых и иных структурных элементов, составляющих криминалистическую методику.

В-третьих, расследование дропперства требует комплексного подхода, включающего как следственные, так и оперативно-разыскные инструменты. Это особенно актуально на этапах выявления преступления (например, через финансовый мониторинг), идентификации лиц, вовлеченных в преступную схему, документирования цифровой активности, а также при допросах подозреваемых и свидетелей. Практика показывает, что без унифицированной методики следственные действия проводятся фрагментарно и часто не обеспечивают нужного уровня доказательственной базы.

В-четвертых, в научной и учебной литературе до сих пор отсутствует разработанная криминалистическая методика расследования дропперства. Сделанный нами обзор последних диссертационных исследований, защищенных по тематике инновационных хищений, показывает, что тема дроппер-

ства там рассмотрена фрагментарно [2—4]. Этот пробел особенно чувствуется в образовательной подготовке оперативных сотрудников и следователей, поскольку существующие программы ориентированы на традиционные формы мошенничества и не учитывают особенностей преступлений в цифровой среде.

Согласно проведенному анализу научной литературы по материалам сайтов www.elibrary.ru и cyberleninka.ru, одним из первых специалистов в области оперативно-разыскной деятельности, упомянувших о рассматриваемой нами форме совершения преступления, является В. Б. Батоев, исследовавший оперативно-разыскное противодействие мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [5]. Работы В. Б. Батоева внесли важный вклад в формирование основ криминалистической характеристики дропперства через описание роли технических исполнителей в организованных преступных схемах, обоснование необходимости комплексного доказательства их участия, выдвижение предложений по выявлению признаков фиктивности кредитных операций. Несмотря на отсутствие цифровой специфики, изложенное может рассматриваться как теоретическая база, на которую целесообразно опереться при разработке современной методики расследования преступлений, предусмотренных чч. 3—6 ст. 187 УК РФ.

Структурированию криминалистической методики расследования дропперства уделено внимание в ряде учебных пособий А. А. Лукьяновой [6], коллективом авторов из Барнаульского юридического института МВД России [7], которые демонстрируют начальное понимание феномена дропперства и его роли в преступных схемах, связанных с кредитами.

Представленные учебные пособия внесли существенный вклад в формирование криминалистических основ, касающихся расследования преступлений, связанных с дропперством, хотя термин «дроппер» в явном виде в ряде фрагментов отсутствует либо используется в рамках общего описания преступных схем.

Тем не менее анализ содержания пособий позволяет выделить ряд положений, которые непосредственно коррелируют с задачами разработки и реализации методики расследования дропперской деятельности, особенно в контексте современных изменений уголовного законодательства.

Прежде всего заслуживает внимания систематическое описание типовых форм участия третьих

лиц в схемах неправомерного кредитования, оформления займов по поддельным или номинальным документам, а также последующего обналичивания или перевода средств. Авторы уделяют особое внимание анализу механизмов вовлечения таких лиц в преступную деятельность, что создает основу для криминалистической типологии дропперов как фигурантов, действующих по указанию третьих лиц в условиях неполной осведомленности о масштабах или последствиях совершаемых операций. Этот подход особенно актуален с учетом изменений в ст. 187 УК РФ, криминализирующих передачу электронных средств платежа и доступов к ним в корыстных целях.

Значительным вкладом авторов пособий в криминалистическую типологию является описание особенностей сбора доказательственной базы, акцент на анализе данных, получаемых из банковских систем, цифровых платформ и операторов сотовой связи. Представленные методические приемы раскрытия схем с участием подставных лиц, в частности моделирование финансовых потоков, реконструкция маршрута движения средств, выявление несоответствий между формальным владельцем и фактическим пользователем платежного инструмента, полностью применимы к расследованию преступлений, совершаемых дропперами. Эти положения пособий опережают свое время, закладывая структуру методики еще до формальной законодательной фиксации ответственности за дропперство.

Важной особенностью подхода авторов является рассмотрение вопросов субъективной стороны — степени осознанности, мотивации, корыстной заинтересованности номинального фигуранта, что критически важно при квалификации по новым частям ст. 187 УК РФ. Пособия содержат рекомендации по тактике допросов, анализу поведения подозреваемого, выявлению признаков зависимости, давления со стороны организаторов, что может быть использовано при построении доказательственной линии.

Несмотря на то что в пособии не представлена самостоятельная структура криминалистической методики расследования дропперства в терминах 2025 г., авторы закладывают ее фактический фундамент. Имеются положения, которые прямо предвосхищают современные подходы: внимание к цифровым следам, анализ действий фигуранта в платежной системе, моделирование преступной схемы и рекомендации по документированию операций, совершенных с использованием чужих или фиктивных реквизитов.

Указанные учебные пособия являются важным теоретико-методическим источником, содержащим элементы методики расследования дропперства в латентной форме. Они отражают осознание необходимости адаптации следственных подходов к современным реалиям киберпреступности и цифровых мошеннических схем, в том числе с участием технических исполнителей, играющих роль дропперов. Учитывая последующие изменения законодательства, положения данных пособий представляют собой ценную основу для актуализированной разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа и привлечения посредников.

В-пятых, в современных условиях особую важность приобретает вопрос о необходимости разработки отдельной криминалистической методики расследования дропперства, обусловленный тем, что организаторы данной преступной деятельности, как правило, находятся за пределами Российской Федерации и фактически недоступны для правоохранительных органов. Такая ситуация требует переосмысления как задач расследования, так и используемых криминалистических инструментов.

Дропперство сегодня представляет собой устойчивый элемент транснациональных преступных схем, в которых исполнители на территории России выполняют указания удаленных координаторов. Последние, пользуясь анонимностью цифровых каналов связи, криптовалютных транзакций и юрисдикционной недоступностью, остаются вне досягаемости следственных органов. При этом именно через фигуру дроппера осуществляется реализация ключевого этапа преступной схемы — обналичивание или перевод незаконно полученных средств. В этих условиях становится невозможным применение традиционных методик расследования, ориентированных на установление всей преступной цепочки вплоть до организатора. Следствие нередко вынуждено ограничиваться лишь фигурантами-исполнителями, в силу чего возникает потребность в специализированной методике, позволяющей эффективно документировать и доказывать вину дроппера как самостоятельного участника преступной схемы.

Разработка такой методики должна учитывать ряд принципиальных особенностей. Прежде всего необходимо создать обобщенную криминалистическую характеристику дропперства — типовые способы совершения преступлений, модели вовлечения лиц, формы конспирации, используемые

платформы (мессенджеры, даркнет, платежные системы), а также виды цифровых следов, которые могут быть зафиксированы и использованы в качестве доказательств. Учитывая, что в большинстве случаев дропперы действуют по удаленному указанию и через технические средства, центральное место в методике должна занимать работа с цифровыми доказательствами: анализ переписки, IP-логов, истории транзакций, устройств и аккаунтов.

Кроме того, особое внимание должно уделяться тактике допросов и психологической типизации дропперов. Значительная часть таких лиц не воспринимает себя в качестве преступников, полагая, что выполняют незначительную «техническую работу». В этих условиях важно уметь грамотно формулировать вопросы, выстраивать допрос с опорой на конкретные доказательства и анализировать поведенческие особенности фигуранта. Методика также должна включать типологию форм вербовки дропперов — от «удаленной работы» и подставных вакансий до вовлечения через схемы «легкого заработка» в Интернете.

В-шестых, одним из ключевых аргументов в пользу разработки отдельной методики расследования дропперства является различие в темпах и характере изменений между кибермошенничеством и дропперством. Если первое представляет собой быстро меняющееся, высокоадаптивное явление, то второе, напротив, сохраняет устойчивую структуру, методы и формы реализации. Это делает дропперство более предсказуемым и, следовательно, подходящим для формирования устойчивого алгоритма расследования.

Кибермошенничество развивается стремительно. Схемы обмана пользователей меняются буквально ежемесячно [8]. Используются новые технологии: генерация фальшивых сайтов, deepfake, фишинг и смишинг, а также методы социальной инженерии с применением искусственного интеллекта. Мошенники постоянно адаптируются под меры противодействия, модернизируют способы вовлечения жертв и скрытия следов преступлений. Это делает методики по их раскрытию крайне ситуативными и непредсказуемыми, требующими постоянного обновления и адаптации.

В противоположность этому дропперство как форма участия в преступной деятельности сохраняет стабильность. Сценарии вовлечения дропов практически не меняются: предложения «легкого заработка», оформление банковских карт, передача логинов и паролей, обналачивание или транзит средств через физические и цифровые каналы.

Функции дропа, будь то обнальщик, транзитник или заливщик, устойчивы, повторяемы и хорошо поддаются классификации.

Эта стабильность и предсказуемость дропперства позволяют сформировать типовую криминалистическую модель поведения дропа, разработать четкие алгоритмы обнаружения его действий, идентификации степени вовлеченности и связи с организаторами преступной схемы. В отличие от методик, реагирующих на постоянно эволюционирующие формы мошенничества, методика расследования дропперства может быть выстроена как относительно универсальный и долговечный инструмент.

Таким образом, создание отдельной методики раскрытия и расследования дропперства необходимо в силу его стабильной структуры и воспроизводимости. Такая методика позволит систематизировать подход к выявлению и документированию преступной деятельности дропов, оптимизировать работу следователей и криминалистов, обеспечить правовую дифференциацию между умышленными и неосознанными действиями фигурантов и выработать единые стандарты квалификации. В условиях, когда киберпреступность трансформируется, а дропперство остается ее постоянной инфраструктурной составляющей, системная криминалистическая работа с этим явлением становится особенно актуальной.

В-седьмых, одним из ключевых оснований для разработки самостоятельной криминалистической методики расследования дропперства является многоотраслевая преступная применимость дропа. Как показывают современные научные исследования, эта криминальная роль воспроизводима не только в схемах кибермошенничества [9; 10], но и при легализации преступных доходов [11], в распространении наркотиков [12—14], а также в финансировании экстремистской и террористической деятельности [15].

Если в случае мошенничества дроп используется для сокрытия следов финансовых транзакций, то в наркобизнесе он выступает как участник логистической цепочки по обналачиванию и транзиту доходов от сбыта запрещенных веществ, не прикасаясь к самим веществам, но обеспечивая устойчивость преступного потока. Такая трансформация функционала дропа указывает на его универсальность и интеграцию в организованную преступность.

Применение дропов в разнородных сферах преступности (финансовой, наркотической, террористической и т. д.) подчеркивает, что дропперство:

— не является чисто киберпреступлением;
 — имеет сквозной характер — используется как инфраструктурный элемент в сложных преступных схемах¹;

— требует разных тактических подходов к установлению умысла, роли, осведомленности субъекта.

Отсюда — унифицированные методики расследования мошенничества или незаконного оборота наркотиков не способны в полной мере учитывать специфику действий дропа. Необходим отдельный алгоритм расследования, позволяющий: классифицировать роль дропа (транзитник, обналщик, заливщик [16]); устанавливать степень осведомленности и вовлеченности; связывать цепочки транзакций и логистики с конечными фигурантами преступной группы.

Только отдельная методика, ориентированная на мультифункциональную роль дроппера, позволит эффективно противодействовать современным транснациональным формам преступности.

Следует подчеркнуть, что актуальность отдельной методики объясняется не только внутренними потребностями следственной практики, но и внешнеполитическим контекстом. В ситуации международной напряженности, санкционного давления и деградации механизмов правовой помощи с рядом зарубежных стран возможность выхода на организаторов преступной деятельности существенно ограничена. Российские правоохранительные органы часто лишены возможности направлять запросы, получать информацию от иностранных банков, платежных систем или владельцев сервисов. В таких условиях именно внутренняя методическая и доказательственная работа приобретает определяющее значение.

Таким образом, когда организаторы дропперских схем находятся за рубежом и остаются вне досягаемости российских правоохранительных органов, разработка и внедрение отдельной криминалистической методики расследования дропперства становится необходимым условием эффективного уголовного преследования. Такая методика позволит структурировать действия оперативников и следствия, повысить доказательственную состоятельность дел даже без установления организаторов и обеспечить надлежащую правовую оценку действиям исполнителей. Это,

в свою очередь, будет способствовать снижению привлекательности дропперства как «безопасного» способа участия в преступлении и укреплению принципа неотвратимости наказания в сфере цифровой преступности.

Подведя итоги, отметим, что вывод о необходимости разработки методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа обусловлен совокупностью факторов, отражающих как криминалистическую специфику данного преступления, так и существующие пробелы в научной и практической системе противодействия ему.

Во-первых, неправомерный оборот действующих электронных средств платежа представляет собой относительно новую форму преступной деятельности, активно используемую в цифровых схемах обналаживания и легализации преступных доходов. Это требует учета высокой технологичности, распределенного характера координации и маскировки, а также особенностей цифровой инфраструктуры, в рамках которой совершаются такие преступления.

Во-вторых, данный вид преступления не получил на сегодняшний день полноценной криминалистической характеристики. Методы вовлечения, маскировки и использования лиц, передающих средства платежа или доступ к ним третьим лицам, принципиально отличаются от классических моделей соучастия, что требует формирования новых типологий, отражающих специфику таких фигурантов.

В-третьих, эффективное противодействие данному явлению возможно лишь при комплексном подходе, объединяющем следственные и оперативно-разыскные инструменты: анализ цифровых следов, мониторинг финансовых операций, работа с цифровыми платформами и психологическая оценка подозреваемых.

В-четвертых, в действующей учебной и научной литературе отсутствует целостная методика, посвященная расследованию неправомерного оборота электронных средств платежа. Имеющиеся разработки носят фрагментарный характер и не учитывают специфики правоприменительной практики, сложившейся после принятия Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ.

В-пятых, транснациональный характер рассматриваемого преступления, при котором организаторы схем, как правило, находятся за пределами юрисдикции Российской Федерации, требует переориентации усилий следствия на локальных исполнителей. Это невозможно без специализи-

¹ Дропперы: связующее звено преступной цепи // Уралсиб: журнал для клиентов и партнеров. URL: <https://journal.uralsib.ru/hse/research/4> (дата обращения: 14.07.2025).

рованного методического инструментария, адаптированного под выявление, фиксацию и доказывание их роли в преступной схеме.

В-шестых, относительная устойчивость и воспроизводимость подобных схем, в отличие от динамичных форм кибермошенничества, позволяют говорить о возможности создания универсальной криминалистической методики, применимой в широком спектре уголовных дел.

В-седьмых, многоотраслевая применимость данной формы преступности — от финансовых преступлений до наркобизнеса, а также ее использование в схемах финансирования экстремистской

и террористической деятельности подтверждают необходимость создания такой методики, которая могла бы быть адаптирована к различным видам преступной деятельности с единым криминалистическим ядром.

Все вышеперечисленное в совокупности свидетельствует о высокой научной и практической значимости разработки самостоятельной криминалистической методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа как одного из наиболее актуальных направлений в борьбе с цифровой и транснациональной преступностью.

---

1. Гельдибаев М. Х., Мурсалимов А. Т. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере P2P-кредитования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 48—54.

2. Мира К. А. Установление механизма хищений чужого имущества с использованием информационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 245 с.

3. Машлякевич В. А. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2024. 240 с.

4. Кулаевский А. В. Алгоритмизация деятельности следователя по установлению лица, совершившего дистанционное мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2025. 250 с.

5. Батоев В. Б. Оперативно-разыскное противодействие мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 144—149.

6. Лукьянова А. А. Доказывание и юридическая оценка действий лица, совершившего хищение с использованием электронных средств платежа: учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2023. 48 с.

7. Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учеб. пособие / Н. А. Архипова, О. В. Кругликова, А. В. Шебалин [и др.]. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2023. 91 с.

8. Сухарев М. С. Дистанционные хищения как постоянно меняющийся вид преступности // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2025. № 1. С. 117—125.

---

1. Geldibaev M. Kh., Mursalimov A. T. Criminal-legal characteristics of fraud in the sphere of P2P lending. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii, 48—54, 2024. (In Russ.).

2. Mira K. A. Identification of the mechanism of theft of other persons' property by using information technology. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 245. (In Russ.).

3. Mashlyakevich V. A. Investigation of fraud committed using telephone communications. Dissertation of candidate of juridical sciences. Barnaul; 2024: 240. (In Russ.).

4. Kulaevsky A. V. Algorithmization of the investigator's activities to identify the person having committed remote fraud. Dissertation of candidate of juridical sciences. Barnaul; 2025: 250. (In Russ.).

5. Batoyev V. B. Detective counteraction to fraudulent actions by using information and telecommunication technologies. Investigation of crimes: problems and ways to solve them, 144—149, 2018. (In Russ.).

6. Lukyanova A. A. Proving and legal assessment of the actions of the person to have committed theft by using electronic means of payment. Textbook. Barnaul: The Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 48. (In Russ.).

7. Arkhipova N. A., Kruglikova O. V., Shebalin A. V. (et al.) Investigation of thefts to be committed by using information and telecommunication technologies. Textbook. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 91. (In Russ.).

8. Sukharev M. S. Remote thefts as a constantly changing type of crime. Journal of the Russian New University. Series "Man and Society", 117—125, 2025. (In Russ.).

9. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Охрана имущественных отношений в банковской сфере: гражданско-правовые, уголовно-правовые и криминологические аспекты // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (4). С. 52—60.

10. Ахатова А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 6. С. 1075—1083.

11. Фокин А. Д. Современные проблемы превенции легализации доходов, полученных преступным путем в процессе совершения мошеннических действий в сфере недвижимости // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сб. докл. XIV Моск. юрид. недели (Москва, 26—29 нояб. 2024 г.). В 6 ч. Ч. 6. Москва: Изд. центр Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 163—168.

12. Гура С. С., Ханова И. В. Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 24—31.

13. Казачек Т. А. Ответственность «дропа» за участие в незаконном обороте наркотиков // Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2024 г.). Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 96—100.

14. Биккинин И. А., Савельев Е. М. Практика привлечения к ответственности представителей младшей ступени в иерархии наркобизнеса // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10-3. С. 505—508.

15. Макарова О. А., Волчецкая Т. С. Глава 4. Профилактика терроризма и экстремизма на современном этапе // Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминологическое противодействие и профилактика. Калининград: Балтийск. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 139—165.

16. Чеклаукова Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12. С. 372—373.

9. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Protection of property relations in the banking sphere: civil, criminal and criminological aspects. Legal order and legal values, 52—60, 2024. (In Russ.).

10. Akhatova A. M. A drop as an accomplice to crimes to be committed by using information and telecommunication networks: problems of criminal-legal assessment and law enforcement. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 1075—1083, 2024. (In Russ.).

11. Fokin A. D. Topical problems of preventing legalization of incomes to be obtained illegally, while committing fraudulent activities in the real estate sphere. In: Russian legal system: searching national identity. Collection of reports of XIV Moscow law week (Moscow, November 26—29, 2024). Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 2025: 163—168. (In Russ.).

12. Gura S. S., Khanova I. V. Issues of qualification of illegal sale of narcotic drugs by using electronic or information and telecommunication networks (including the Internet). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 24—31, 2023. (In Russ.).

13. Kazachyev T. A. Liability of a "drop" for participation in illegal drug trafficking. In: Topical problems of combating crime in Russia and ways to solve them. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conf. (Moscow, March 21, 2024). Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024: 96—100. (In Russ.).

14. Bikkinin I. A., Savelyev Ye. M. Practice of bringing to justice members of the junior level in the drug business hierarchy. Journal of the Altay Academy of Economics and Law, 505—508, 2022. (In Russ.).

15. Makarova O. A., Volchetskaya T. S. Chapter 4. Prevention of terrorism and extremism at present. In: Terrorism and extremism as a threat to national security: forensic counteraction and prevention. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2024: 139—165. (In Russ.).

16. Cheklaukova Ye. L. Dropping in the banking sector. Modern technologies and scientific and technical progress, 372—373, 2025. (In Russ.).

Волосевич Игорь Николаевич,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
89151333377in@gmail.com

Volosevich Igor Nickolayevich,
associate professor at the department
of detective activities and special techniques
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
89151333377in@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2025; одобрена после рецензирования 26.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 18.10.2025; approved after reviewing 26.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *